

УДК 321.011.15

Ю.А. Бабинов, профессор, д-р филос. наук

Севастопольский национальный технический университет

Студгородок, г. Севастополь, Украина, 99053

E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Анализируются процессы, связанные с формированием и развитием партийной системы в условиях демократизации общественной жизни, выявляются проблемы, которые необходимо решать в новой ситуации.

Глубокие социально-политические и экономические преобразования, происходящие на постсоветском пространстве, тесно связаны с процессами конституирования политических партий, становлением на территории бывшего СССР новых партийных систем, с формированием их правовых основ. Процессы эти объективно обусловлены сложившейся к началу XXI века ситуацией в общественной жизни, которая характеризуется неустойчивостью, быстрой, зачастую, неожиданной сменой партийно-политической палитры. В новой политической обстановке видное место занимает переход к реальной многопартийности. В каждой из стран в связи с разными уровнями политической культуры и различными историческими традициями, а также накопленным опытом, этот процесс имеет свои особенности и тенденции.

В 90-х гг. прошлого столетия многопартийная система, включающая в себя большое число больших и малых партий, вытеснила господствовавшую в СССР на протяжении нескольких десятилетий однопартийную систему. В результате на постсоветском пространстве, по сути, был совершен не переход, а скачек от политического авторитаризма к политическому плюрализму. Например, только в России и в Украине, за короткий промежуток времени было образовано более ста политических партий. Этот процесс нельзя считать аномальным явлением. Многопартийность – это выработанная человеческой цивилизацией форма общественного управления, при которой в целях общественного прогресса борьба нескольких политических партий за государственную власть выступает своеобразным механизмом использования расхождения интересов и разномыслия.

Будучи ярким свидетельством и реальным выражением борьбы за политическую власть, многопартийная система представляет собой естественную спутницу социально разделенного общества. При этом социальное расслоение объективно проявляет себя в процессе возникновения и исчезновения тех или иных общественно-политических образований и объединений, в конфронтации политических партий и их коалиций, в создании и разрушении межпартийных блоков и союзов.

Еще в конце XIX в. известный российский политолог Б.Н. Чичерин, рассуждая о проблеме многопартийности, утверждал, что при ее наличии политические вопросы получают всестороннее освещение, что существование оппозиции сдерживает бюрократизацию, заставляет правительство действовать эффективнее, а внутри каждой партии воспитывается дисциплина, необходимая, чтобы побеждать конкурента. [1, с. 541]. Чичерин высказал еще одну интересную мысль: многопартийность – это общественное благо, источник внутренней энергии развития политической жизни.

Когда мы говорим о многопартийности, то следует иметь в виду, что она имеет ряд характерных черт. Наиболее существенными среди них являются следующие. Прежде всего – это выявление и гармонизация различных общественных мнений и интересов, бытующих в обществе. Затем – это легитимизация демократического строя, отвечающего принципу волеизъявления народа. Именно легитимизация является камнем преткновения для антидемократических и тоталитарных режимов, для которых псевдовыборы, подтасовка результатов голосования, декоративная многопартийность служат своего рода уловками для прикрытия их подлинной сути, придания видимости демократии. Перспективы развития многопартийной системы напрямую зависят от результатов реформирования, стабилизации общественных отношений, от выбора модели социального развития страны, отвечающей интересам большинства ее граждан.

Становление многопартийности на постсоветском пространстве представлял собой весьма сложный и противоречивый процесс. Здесь следует обратить внимание на тот факт, что многие партии в условиях демократизации общественной жизни создавались сверху, под самопровозглашенного лидера, за которым часто никто не стоял. Не представляя какие-либо социальные силы со временем они быстро сходились с политической арены.

В переходный период ярко проявило себя доминирование чиновничества в политической элите, что стало одной из основных причин неразвитости многопартийности. Именно это явление, по мнению специалистов, представляет главный компонент «советского наследия», которое было «завещано» молодым независимым государствам многими десятилетиями однопартийной диктатуры. Его живучесть

имеет прямую связь с особенностями социальной структуры современного общества. Казалось бы, чиновничество, будучи политически организованным, не нуждается ни в каких партиях. Однако оказалось, что это совсем не так. В силу своего политического доминирования, номенклатура сумела поглотить и приспособить к своим нуждам даже институт многопартийности.

Кульминацией бюрократизации современной партийной жизни можно считать появление во многих постсоветских странах, начиная с середины 90-х годов прошлого столетия, так называемых «партий власти» – своеобразного суррогата правящей партии, немыслимого в условиях реально действующей партийной системы. Ими оказались не просто формальные организации, а объединения корпоративных кланов центрального и регионального чиновничества, компенсирующие отсутствие официального политического представительства сосредоточением в своих руках рычагов управления страной и обществом. При той социальной структуре, которая сложилась еще в советский период, ограничить монополию бюрократии на управление политическими процессами, были призваны многопартийность и система выборов. Но они лишь способствовали доминированию чиновничества, позволяя вводить в состав различных законодательных органов своих людей.

Единственным реально функционирующим механизмом обратной связи гражданского общества и политических партий можно считать выборы. В обществе переходного периода при сохраняющейся неопределенности социальных ориентиров большинства партий и неструктурированности интересов населения, именно выборы становятся главной целью партийной деятельности. Ради электоральных успехов при их помощи накапливаются ресурсы, вырабатываются коалиционные стратегии. Вот почему партийные программы конструируются под избирательную кампанию и сводятся во многих случаях к набору лозунгов. Для большинства избирателей, как свидетельствуют результаты выборов последних лет, голосование за ту или иную партию носит часто случайный характер. Партии, не обременяя себя кропотливой работой с различными группами и социальными общностями, предпочитают использовать все имеющиеся у них средства для формирования своей социальной базы поддержки. При этом активно употребляются манипулятивные механизмы средств массовой информации. В результате социум отчуждается от деятельности конкретных партий, которые чаще всего существуют для него в виртуальном телевизионном пространстве.

Широкое распространение на постсоветском пространстве в последнее время получила пропорциональная избирательная система. Наряду с преимуществами (более адекватное представительство структуры политических предпочтений граждан) она влечет за собой растущую зависимость членов законодательных органов от партийного руководства, решавшего вопрос включении (или не включении) данной личности в будущие списки их кандидатов.

Перманентная погоня за голосами избирателей начала разрушать прежнюю монолитность политических партий. Стремясь расширить социальную базу и тем самым проложить себе путь к власти, они стали утрачивать свою социальную идентичность. С одной стороны, превращение в «партии для всех» обеспечивало существенные преимущества в конкурентной борьбе за рычаги власти. С другой, электоральный массив стал терять прежнюю стабильность. Тем самым возросли возможности манипулятивного воздействия и на ту часть избирателей, которая до того отличалась устойчивостью политических предпочтений.

Прогрессирующая бюрократизация управленческих структур затруднила контроль представительных органов над исполнительной властью. В результате, сократились возможности политических партий эффективно выполнять свои функции. Бюрократизация поразила даже парламенты, где основные рычаги власти все очевиднее концентрировались в руках парламентской верхушки (руководителей фракций, спикера и его заместителей, глав парламентских комитетов). Соответственно, заметно возросла дистанция между рядовыми депутатами и парламентским «начальством».

Многие политические партии стали все чаще и чаще превращаться в лоббистов, ревностно отстаивая интересы определенных корпоративных кругов. И это несмотря на то, что в рамках многопартийной системы имеется возможность выражать мнение разнообразных социальных сил общества. К сожалению, в действиях партийного руководства можно встретить отклонения от общепринятых правовых норм. Не стесненная какими-либо моральными и иными ограничениями, партийная верхушка нередко забывает о необходимости способствовать лучшему ведению государственных и общественных дел.

На постсоветском пространстве в последнее время наблюдается тенденция, связанная с ростом клановости политических партий, что явилось следствием объективного состояния развития политической сферы общества в целом. Сюда следует отнести такие явления как социально-экономическая неструктурированность общества в целом, а также неструктурированность политических интересов избирателей. Так, согласно исследованиям украинских ученых за период с 1994 по 1997 гг. в стране полностью доверяли политическим партиям 0,8 % опрошенных граждан. А на вопрос, есть ли в Украине политические партии, которым можно доверять – «да» ответили 13,9 % (1994 г.), 8,75 % (1995 г.), 12,2 % (1996 г.), 11,3 % (1997 г.) опрошенных граждан [2, с. 131].

Заслуживают внимания выводы специалистов относительно выполнения партиями своих представительских функций на этапе формирования организационного ядра и мобилизации активных сторонников в определенной социальной среде. Они отмечают, что в наши дни в процессе создания политических партий основную роль играют представители четырех социальных групп: интеллигенции, чиновничества, предпринимателей и люмпенов. Что касается последней группы, то здесь имеются в виду не столько социальные низы, сколько те граждане, кто по той или иной причине не желают связывать себя с какой-либо конкретной социальной группой. Это в основном люди, которые в своем социальном поведении стремятся к максимально быстрому извлечению выгоды и не стеснены никакими моральными, корпоративными и прочими ограничениями.

В силу того, что у подавляющего числа партий постоянно существует дефицит финансовых ресурсов, на политическую арену вышли так называемые финансово-промышленные группы (ФПГ). Как правило, ФПГ создавались с целью экономической и технологической интеграции для реализации инвестиционных проектов и других программ, направленных на повышение их конкурентоспособности и расширение рынка товаров и услуг. В настоящее время ФПГ представляют собой региональные, отраслевые, номенклатурные объединения. Весьма характерным является то, что в СНГ их лидеры стремятся принимать активное участие в политическом процессе с целью расширения своего влияния в обществе, хорошо при этом понимая, что успешная политическая деятельность способствует наращиванию финансовых ресурсов.

Начиная с конца 80-х гг., в Украине в политической жизни страны активно действуют ФПГ Г.Суркиса, В.Медведчука, И.Бакая, О.Ткаченко, а также «донецкая», «харьковская», «днепропетровская», «галицкая» территориальные группы. Они поделили между собой самые рентабельные отрасли промышленности, средства массовой информации, и существенно влияют на государственную власть в стране. В их деятельности преобладают два направления: использование власти для получения дополнительной собственности, а также приобретение, благодаря наличию значительной собственности и денежных средств, выгодных должностей в государственных структурах и надлежащего социального статуса.

Тенденции к росту клановости политических партий в основном связаны с объективным состоянием развития политической сферы общества в целом. К ним следует отнести прежде всего социально-экономическую неструктурированность современного общества, а также неструктурированность политических интересов избирателей. Значительную роль играет также отсутствие достаточно развитой базы для легитимного рекрутирования членов партий.

Социально-политические реалии в переходный период от тоталитаризма к демократии свидетельствуют о том, что общество также находится в переходном состоянии. Сегодня еще рано говорить о сколько-нибудь обозначившемся структурировании интересов различных общественных слоев. По мере оформления этих интересов партии призваны стать их реальными представителями в политической системе, отстаивая социальные цели своих электоральных групп. При этом они не только должны выражать интересы тех или иных социумов, но и активно участвовать в формировании этих интересов. Соединяя гражданское общество и государство, политические партии призваны содействовать разрешению социальных противоречий, укреплять государство, расширяя каналы его обратной связи с обществом [3, с. 129].

Известный российский политолог А.С. Панарин высказал мнение, что в современных условиях большое значение в нормализации политической жизни общества должны сыграть небольшие партии [4, с. 148]. Этот ученый считал, что малые партии в политике способны выполнять ту же роль, что и малый бизнес в экономике. Они призваны выступать выразителями новых политических потребностей. В современных условиях, когда общество заинтересовано в поддержании открытого и конкурентного характера политической среды, большие партии часто не замечают потребности небольших социальных групп, гражданский статус которых постоянно урезается как в социально-экономическом, так и в правовом отношении. Партийно-правовой монополизм в значительной степени препятствует надлежащей реакции общества на такие проблемы как экологическая опасность, преступность, алкоголизм и наркомания. В этих условиях большие партии зачастую демонстрируют удивительное спокойствие, блокируя тем самым принятие принципиально новых политических решений.

Большинство партий, возникших после развала Советского Союза, образовалось из неформальных движений, что наложило характерный отпечаток на становление партийной системы. Для начальной стадии этого процесса была свойственна маргинализация политических партий, нередко выступавшая важным инструментом мобилизации населения и вовлечения граждан в активную политическую деятельность. Развиваясь в особой правовой нише политической жизни, многопартийная система выступала своеобразной формой, которая структурировала отношения между государством и обществом. С партиями конкурировали различные общественные ассоциации, включая профсоюзы, объединения предпринимателей, не всегда институционализированные социальные силы, а также организованные

кадры старой номенклатуры. Возникали разнообразные группы давления, нацеленные на отстаивание особых интересов.

Особое внимание следует обратить на сам характер переходного процесса в бывших странах «реального социализма». Несмотря на значительные экономические и социально-политические особенности, национальные различия этих стран, при формировании партийных предпочтений их граждан можно выявить ряд общих характерных черт. Одной из них является достаточно высокий уровень политической нестабильности электората. Многие исследователи отмечают, что этот показатель на постсоветском пространстве значительно превышает подобный показатель ряда европейских стран в период их нестабильности и социально-политической трансформации. Примером могут служить Германия после Второй мировой войны, Испания, Португалия, Греция в 70-е – начале 80-х годов. К примеру, показатель нестабильности партийных предпочтений в период между выборами 1990-1994 гг. в Венгрии составил 28,3 %, в Польше (1991-1993 гг.) – 34 %, в Эстонии (1992-1995 гг.) – 54 %, в Литве (1992-1996 гг.) – более 40 %, в Чехии (1992-1996 гг.) – 31,4 %. [5, с. 168].

Общим для постсоветской действительности является феномен протестного голосования и негативной партийной идентификации, при котором у большинства избирателей отсутствует чувство близости с позицией хотя бы с одной из партий. Социологические исследования, проведенные во второй половине 90-х годов прошлого столетия в Венгрии, Польше и Румынии, показали, что среди избирателей более 70 % имели негативную идентификацию и только 30 % – позитивную. Нечто подобное отмечается и в странах Восточной Европы.

Политологи объясняют подобную ситуацию не только отсутствием сформированной системы институтов политического представительства в «новых демократиях», но и особенностями формирования партийных предпочтений избирателей. При этом на этот счет высказывается несколько предположений. Во-первых, в посткоммунистических странах массовая поддержка партий не связана напрямую с их политическими позициями, что проявляется в нестабильности партийных предпочтений. Причины этого кроются в отсутствии устойчивых связей между социальными группами и партиями, что объясняется прошлым социалистическим опытом и несформированностью гражданского общества. Во-вторых, на процессы социально-экономического и политического развития серьезным образом влияет характер унаследованных от социалистического прошлого культурно-политических норм и ценностей. Их специфика препятствует формированию партийно-политической идентификации в силу влияния характерного для коммунистических времен сочетания репрессивной и крайне централизованной деятельности государства, а также специфики крайне идеологизированной системы артикуляции интересов. Определенную роль здесь играет также и национальное культурно-историческое наследие.

Современная политическая партия – это универсальный политический институт, связывающий государство и граждан и обеспечивающий представительство различных социальных интересов в органах власти. Проблема, однако, в том, что реального представительства социальных интересов во власти нынешние партии, точнее, подавляющее их большинство, не обеспечивают. У них просто нет в этом необходимости. Для участия в избирательных кампаниях нашим партиям не нужен ни один признак (атрибут) политической партии. В частности, им не нужна четко продуманная политическая программа, ибо большинство из них пишутся под копирку и повторяют друг друга. Не нужны также и хорошо продуманные партийные структуры на местах, так как считается, что от искренних борцов за интересы партии – одна морока, ибо их надо загружать делами и т.п. Иное дело – выборы, где требуются не идейные активисты, а опытная деидеологизированная пехота, которая агитирует исключительно за деньги и за любые партии. Нет необходимости и в партийных авторитетах. Они – лишь конкуренция для лидера. А зачем все это, когда достаточно иметь «раскрученного» вождя, штаб-квартиру в столице, доступ в исполнительные структуры власти, к СМИ. Совершенно очевидно, что избирательное законодательство должно стимулировать партии на работу в регионах, на пропаганду своих идей среди населения, на выстраивание своих электоральных систем.

Жизненно важным для эффективного развития современной политической системы является функционирование установленного механизма информационно-аналитического обеспечения проводимых в жизнь политических решений, а также соответствие политических институтов своему предназначению, способности сохранения всех основ демократической системы. Для обеспечения развития общества необходимо определять и отслеживать критерии стабилизации политического управления с целью недопущения принятия разрушительных решений представителями власти, пресечения вероятных деградационных тенденций. Важным в этих процессах является нахождение тех показателей, которые гарантируют развитие общества, а эффективность функционирования отдельных политических институтов и всей политической системы в целом должна быть подтверждена успешностью социальных экспериментов.

В настоящий момент при наличии накопленного за последние годы социального опыта, отсутствие обобщающих подходов в его анализе не даёт возможности отразить единство политики, определить ее эффективность на всех этапах. Вышеуказанные подходы при накоплении и обобщении эмпирического

материала, при условии раскрытия фундаментальных характеристик стабильности демократических политических систем и проводимых на этой основе последовательных институциональных изменений позволят сделать и политическую систему на постсоветском пространстве более эффективной. Однако не следует ожидать, что она станет стабильно функционировать в результате какого-либо одномоментного правового акта. Развитие каждой из постсоветских стран должно проходить в общем контексте реформирования политической, экономической и социальной систем и последовательного усовершенствования их функциональности. Для успешного их реформирования необходимо последовательное повышение эффективности политической системы и оптимизация соотношения внешних и внутренних факторов политической динамики. Безусловно, формирование стабильной системы является не задачей текущего момента, а скорее конечным этапом демократического развития.

К началу XXI в. партийная система в большинстве стран с устоявшейся демократией приобрела следующий облик. Многопартийность, свойственная первоначальной стадии этапа массовой демократии, стала уступать место так называемой «двух-с половиной модели». В рамках этой модели доминирующие позиции на политической арене стали приобретать две конкурирующие партии. Одна из них, придающая особое значение социальному аспекту проводимой политики и защите интересов менее состоятельной части населения, чаще всего именуется левоцентристской. Другая партия, которая уделяет большее внимание традиционным ценностям и отстаивает позиции наиболее благополучной части общества, – это правоцентристы. Кроме того, влиятельные, хотя и не столь доминирующие позиции сохраняет еще одна (иногда правая, а иногда и левая) политическая партия («половинка»), обеспечивавшая баланс политических сил. Часто ими являются радикальные партии левого и правого толка, которые хотя и присутствовали на политической сцене, но оставались на ее обочине. Разумеется, далеко не во всех странах с устоявшейся демократией «двух-с половиной» система стала реальностью, однако движение в этом направлении наметилось повсеместно.

Пока экономическая ситуация в обществе благоприятная, а условия существования большинства граждан сравнительно устойчивые, это почти не отражается на расстановке политических сил. Однако кризисные процессы все чаще и чаще поражают мировую экономику, что негативно сказывается на жизни большинства стран мира. Это, в свою очередь, стимулирует общественное недовольство. И адресуется оно, прежде всего, политическим силам, находящимся у кормила власти. Там, где раньше правили правоцентристы, начали набирать очки левые. В странах с левоцентристскими правительствами недовольство пошло на пользу правым. В сложившихся условиях начала размываться и «двух-с половиной модель» партийной системы. На волне растущего недовольства вышли из тени радикалы. Поскольку левые не оправались от тяжелых потрясений конца XX века, недовольство пошло на пользу, главным образом, правому флангу. Активную поддержку правым радикалам стали оказывать влиятельные группы сравнительно благополучных граждан, относимых к среднему классу, считавшемуся одно время главным гарантом демократических устоев.

Конечно, на положении партий и их месте в политическом процессе сказались не только колебания конъюнктуры. Изменение их роли и значения обусловлено и глубинными сдвигами в современном обществе: прежде всего очередным этапом научно-технической революции и глобализацией.

Воздействие новых технологий на общественную жизнь противоречиво: они создают огромные возможности для решения накопившихся проблем и конфликтов, но одновременно порождают новые угрозы. В частности, возникает ряд серьезных проблем для перспектив демократии и, соответственно, для политических партий. Во-первых, это проблема, которую можно определить как издержки плюрализма. Классическая концепция демократии исходит из того, что народовластие базируется на общем интересе, разделяемом, по крайней мере, большинством граждан (общее благо) и позволяющим с помощью демократических институтов, в том числе политических партий, выявить их общую волю. Постиндустриальные реальности вступают в противоречие с этой посылкой. Происходит углубление плюрализации позиций, интересов и взглядов людей. Новые технологии способствуют дроблению общества. Прежние формы солидарности распадаются. Появляются признаки формирования более гибких ее видов.

Высокий динамизм общественной жизни обнаруживает относительность не только общественных структур, которые ранее казались устойчивыми, но и понятий, принципов, ценностей, которыми люди руководствуются в своем поведении. Релятивизм и дифференциация интересов фрагментируют гражданское общество и мешают добиться той степени согласия, которая необходима для успешного функционирования политических партий как инструмента демократического управления общественным развитием. Во-вторых, немалое значение имеет то, что научно-техническая революция стимулирует рост образовательного уровня вовлеченного в нее населения. Вместе с тем, чем выше образовательный уровень, тем сильнее стремление индивидов к автономному самоопределению, которое пока не готовы предоставить своим членам и сторонникам традиционные политические партии, привыкшие «вести» и «наставлять» паству. Отсюда предпочтение, отдаваемое ныне многими гражданами, особенно молодежью, более свободным, чем партийные, формам политической активности (движениям,

мультипроблемным гражданским инициативам и т.д.), которые к тому же лучше удовлетворяют их потребности в прямом политическом участии. В-третьих, все очевиднее вырисовывается феномен изощренных форм манипулирования обществом с помощью современных технологий, вроде бы позволяющего обходиться «без партий» [6, с. 86-94]. В отличие от тоталитарного режима такой феномен не влечет за собой открытого насилия, подавления прав личности, упразднения демократических институтов. Конструкции либеральной демократии сохраняются, но ее содержание выхолащивается.

Развитие молодых независимых государств на постсоветском пространстве убедительно доказывает, что чередование партий у кормила власти резко уменьшает возможность их перерождения при обладании властью. Как показал опыт многих стран, общество с однопартийной системой, где одна и та же партия десятилетиями находится у власти, в силу уже одного этого обстоятельства подвергается стагнации, так как нет конкурента, ревниво следящего за правящей партией, ее политикой, подвергающего критике каждый шаг власть имущих, что, если и не приводит к отстранению правящей партии от власти, но способствует лучшему ведению государственных и общественных дел.

Библиографический список

1. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Часть III. Политика / Б.Н. Чичерин. — М., 1909. — С. 541.
2. Степаненко В.І. Політичні партії України: уроки розвитку / В.І. Степаненко. — Харків, 2001. — С. 131.
3. Пастухов В.Б. Три времени России. Общество и государство в прошлом – настоящем – будущем / В.Б. Пастухов. — М., 1994. — С. 129.
4. Панарин А.С. Политология. Учебник / А.С. Панарин. — М., 2000. — С. 148.
5. Зеленко Б.И. Партиясистема в переходный период в РФ / Б.И. Зеленко // Вестник Российского философского общества. — 2004. — № 1 (29). — С. 168.
6. Локосов В.В. Стабильность общества и система предельно-критических показателей его развития / В.В. Локосов // Социс. — 1998. — № 4. — С. 86–94.

Поступила в редакцию 14.03.2005 г.